

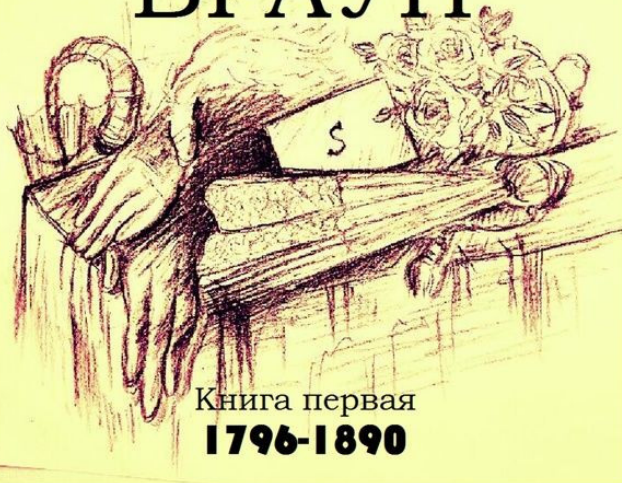
18+

Невидимая СВЯЗЬ

Владисла В

БРАУН

Книга первая

1796-1890

Владислав Браун
Невидимая связь.
Книга 1. 1796—1890

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22759662
ISBN 9785448367854*

Аннотация

Все в нашем мире имеет связи и нити, соединяющие все сферы жизни, людей, события, превращая все в большую и единую цель, именуемую жизнью... Как красива и изыскана дворянская жизнь VIII–XIX веков. Со стороны это кажется волшебной сказкой. Но за красотой, как водится, стоят бесконечные страдания, боль и терпение. Без конца нужно поступаться собой ради сохранения красивой маски, а человеческие чувства уходят на третий план...

Содержание

Книга 1	5
2016 год, август	7
1796—1804 годы	11
1796 год, июль	11
1797 год, июль – август	53
1798 год, март, октябрь	71
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Невидимая связь
Книга 1. 1796—1890
Владислав Браун

© Владислав Браун, 2017

ISBN 978-5-4483-6785-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книга 1

Все в нашем мире имеет связи и нити, соединяющие все сферы жизни, людей, события, превращая все в большую и единую цепь, именуемую жизнью...

Как красива и изыскана дворянская жизнь VIII—XIX веков. Со стороны это кажется волшебной сказкой. Но за красотой, как водится, стоят бесконечные страдания, боль и терпение. Без конца нужно поступаться собой ради сохранения красивой маски, а человеческие чувства уходят на третий план...

Всей моей семье посвящается!

Любая неточность в изложении исторических фактов остается на совести автора.

Все события, происходящие в книге – плод воображения автора. Любые совпадения случайны.

Культура активно влияет на то, каким образом современник видит и описывает свою эпоху. Между ней и действительностью возникает сложная система взаимодействий.

Ю. М. Лотман «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (VIII – начало XIX

века)»

Душевное и физическое изящество связаны и исключают возможность неточных или некрасивых движений и жестов. Аристократической простоте движений людей «хорошего общества» и в жизни, и в литературе противостоит скованность или излишняя развязность (результат борьбы с собственной застенчивостью) жестов разночинца.

Ю. М. Лотман «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (VIII – начало XIX века)»

2016 год, август

Юлия Гребнева не могла сосредоточиться на работе. Из головы не выходило то странное письмо от какого-то «С», которое Гребнева обнаружила в почтовом ящике. В нем было странно все, в том числе и бумага: старинная, будто даже не из этого века. Еще ее насторожило то, каким подчерком было написано послание – очень красивый, каждая буква летела и была выведена. Плюс ко всему Юлия не могла даже прочесть письмо, ведь оно было написано на латыни. То, что это латынь филолог, преподаватель французского языка в СПбГУ, не сомневалась в том, что это латынь. Несколько слов она поняла, а остальное пришлось переводить в Google —переводчике.

Холодным субботним вечером, когда дождь лил как из ведра, а небо было как в тех фильмах про апокалипсис, Юлия Гребнева вбила весь текст в переводчик и кликнула на кнопку «Перевести». Сразу же появился текст на родном языке. Большинство слов стояло в форме инфинитива. Юлия Гребнева, филолог с красным дипломом, не смогла терпеть такой ужас и еще два часа потратила на то, чтобы поставить все слова в нужные формы.

Все. Текст, наконец, приобрел читабельный вид и Юлия, налив в свою чашку кофе, что она сварила утром, села за ноутбук и принялась читать:

«Дорогой потомок, я знаю, в какую эпоху ты будешь читать это письмо, и заранее прошу прощения за то, что я оставляю Вас. Но, обо всем по порядку. Я уберегал с помощью таких писем весь род Савельевых несколько веков. Даже матери твоей я писал такие письма. Я лишь желал добра. В большинстве случаев мои письма принимали как какие-то угрозы и шутки, но бывало и так, что твои предки прислушивались ко мне. Я жил перед всеми, кому я помогал. Я не мог стоять в стороне и решил спасти их от последствий страшных событий. Они не должны были пострадать! А теперь я прошу прощения. Я более не смогу помочь Вам. С этого мгновения Вы одни, без моей помощи Ваш С.».

Юлия недоверчиво приподняла левую бровь и, закрыв переводчик, перешла на поисковик Google.

«Я же даже не Савельева, я Гребнева! Он что-то попутал! – иронично думала Юлия, – но ведь... первый муж моей матери был... Савельев...»

Юлия написала в строке поиска «Старинный род Савельевых». Так как в письме говорилось, что неизвестный помогает много веков Савельевым, значит род этот наверняка старинный, может, даже дворянский.

«Cher descendant, je sais, dans quelle époque vous avez lu cette lettre, et je me excuse à l'avance pour le fait que je vais vous laisser. Mais à peu près tout dans l'ordre. Je sauvegarde avec ces lettres toute la race Savelevykh plusieurs siècles. Même votre mère, j'ai écrit une telle lettre. Je souhaite que le bien. La plupart des slu-thés ma lettre a été prise comme une sorte de menace, et les plaisanteries, mais il arrive aussi que vos ancêtres ont écouté moi. Je vivais avant que tous les gens que j'ai aidé. Je ne pouvais pas rester là et a décidé de les sauver des conséquences terribles de Soba-ème. Ils ne devraient pas avoir à souffrir! Et maintenant, je suis désolé. Je ne suis plus en mesure de vous aider. En ce moment, vous êtes seul, sans mon aide.

Votre S.¹».

Адель Дюпре, прочитав переведенный с латыни на французский текст, сильно насторожилась, а затем эта самая настороженность сменилась легкой иронией.

«Савельевы! Хм, я же даже не русская ни в одном глазу! Опять, наверное, дети балуются!» – подумала Адель и села на скамейку в сквере.

Шел небольшой дождь. Париж был, как всегда, серым

¹ То же письмо, что было и у Юлии Гребневой.

и тусклым. Она, коренная жительница столицы Франции, не любила свой родной город и мечтала переехать в Италию, в Рим. Там и краски, и теплая погода...

Двадцатиоднолетняя Адель пыталась думать о статье, которую нужно в скором времени сдать, но на первый план всегда выходило это странное письмо.

Вечером, заехав к своей матери, она принялась расспрашивать мать:

– Мама, а у нас есть русские корни?

Аврора, так звали мать Адель, загадочно хмыкнула, а затем неспешно ответила:

– Твоя бабушка со стороны Жана русская. Она жива до сих пор и счастливо, я надеюсь, живет в России.

Тут в голове журналистки Адель Дюпре загорелось острое желание отправиться к бабушке в Россию...

1796—1804 годы

1796 год, июль

События совершаются людьми. А люди действуют по мотивам, побуждениям своей эпохи. Если не знать этих мотивов, то действия людей часто будут казаться необъяснимыми или бессмысленными.

Ю. М. Лотман «Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (VIII – начало XIX века)»

После завтрака княгиня Савельева, как давно было принято, гуляла по саду. Стоял душный день, коих в летнем Петербурге было в избытке. В такие дни Аполлинария особо сильно мечтала о зимнем морозе и холоде. Зиму она любила больше лета. От жары у нее кружилась голова, она пребывала как в тумане. Лицо было неестественно бледным, и не таким, как было модно, а устрашающим, даже, в какой-то мере, не живым. В морозный зимний день можно было укрыться в теплый плед, сесть под камином и пить горячий чай. Хотя, в зиме есть и свои минусы. Например, холодно было женщине выходить на улицу, ведь платья, которые сейчас в моде

(стиль «Ампир»), более походят на ночные рубашки, какие были во времена отрочества родителей Аполлинарии.

Неспешным шагом она прошла вдоль высоких яблонь и направилась в сторону беседки из белого камня. Все поместье Алмазное было выстроено из серых камней, нагоняющих грусть и отчаяние, моментально заполняющие все сердце. Даже в такие солнечные дни, как этот, дом более походил на замок с привидениями. Выглядело это строение, будто обычный двухэтажный дом, прямой, без всяких изысков, разделила пополам большая башня. Все двери и окна в доме были арочными, а внешне строение напоминало скромный шотландский замок.

Через полчаса, когда в глазах пронеслись первые оттенки темноты, которые служили обязательными предвестниками головокружения и потемнения в глазах, Аполлинария спешно встала и вышла из тенистой беседки на палящее солнце. Все снова погрузилось в туман. Зазвенело в ушах, а голова невыносимо болела от постоянного давления в виски. Стук собственного сердца казался таким громким, что она невольно закрыла уши.

«Надо войти в дом. Ты сможешь, я знаю, ты сможешь», – повторяла себя княгиня Савельева и маленькими шажками направилась к дому.

Княгиня вошла в светлый от солнечных лучей холл и присела на красный диван. Туда-сюда сновали слуги и крестьяне. Аполлинария смотрела вверх – на высокие потолки. Че-

рез несколько минут ей стало лучше. Она попыталась выровнять дыхание.

– Госпожа, Вам письмо, – послышался тихий скрипучий голос служанки.

Аполлинария мутными глазами посмотрела на слугу. В грязном платье, старая, будто сейчас развалится, женщина стояла около княгини с протянутой трясущейся рукой, в которой был чуть помятый листок.

Неторопливым движением Аполлинария взяла конверт и махнула рукой служанке «Уходи!».

Она развернула письмо и увидела совершенно незнакомый ей язык. Она знала два языка: русский и французский. Пожалуй, французский знала даже лучше русского. Текст этого письма не был ни на одном из этих языков:

«O Apollinaire. Si vos es lectio litteris, ita mox omnes esse super. Vos sunt in periculo. Vos instanter oportet currere a S. Petersburg. Terribilis est medicandi. Multum sanguinem et passionem. Non superesse. Potest tamen et teipsum salvum facies, et domus tua. Modo effugere – evadere.

Tua S».

– Как странно, я и подумать не мог, что кто-то еще пишет письма на латыни! – раздался грубый мужской голос у нее за спиной.

Она испуганно дернулась и посмотрела на источник голоса. У нее за спиной стоял их врач Филимон Филиппов.

Княгиня сделала возмущенное лицо и резко встала, от че-

го голова снова немного закружилась.

– Господин Филиппов, не думала я, что Вы способны на такую невоспитанность и дерзость!

– Я ничего не сделал такого, моя госпожа, – ответил Филимон и из его рук выпал цилиндр.

– Вы осмелились читать мое письмо! Это неслыханно! – продолжала возмущаться Аполлиария.

– Приношу свои извинения. Но в свою защиту замечу, что Вы не понимаете латыни, – произнес доктор.

Почему-то лицо княгини покраснело. Ей стало стыдно. Она ненавидела, когда ей говорили, что она чего-то не знает. В такие моменты хочется провалиться сквозь землю, но уйти – значит признать поражение! А убегать она не привыкла. Нельзя потерять лицо! Вот и сейчас надо было что-то ответить, а вот что...

– Что ж, если Вы знаете латынь, тогда прочтите мне это письмо, – высокомерно подняв голову, сказала княгиня.

Филимон поднял с пола свой цилиндр, после чего взял письмо из рук Аполлиарии и зачитал:

– Дорогая Аполлиария. Если Вы читаете это письмо, значит, скоро все свершится. Вам грозит опасность. Вы срочно должны бежать из России. Назревает ужасное. Много крови и страданий. Вы не выживете. Вы еще можете спасти себя и свою семью. Единственный способ спастись – бегство. Ваш С².

² В письме имеется ввиду Война с Францией 1812 года.

Она несколько секунд оставалась неподвижной, а потом, глупо спросила:

– Кто такой С.?

– Не имею ни малейшего представления, – отрицательно помотал головой Филиппов.

Она выхватила письмо у него из рук и капризно закричала:

– Эй, кто принес мне это письмо?!

К ней подбежала та самая служанка и снова раздался скрип ее голоса:

– Я, госпожа. Я принесла Вам письмо.

– Знаю я, тупица! – бросила Аполлинария. – Кто передал его тебе?!

– Почтальон, госпожа.

– А он не говорил, кто принес письмо?

– Нет.

Она, ничего более не сказав, направилась к лестнице, ведущей на второй этаж.

* * *

Князь Савельев по буквам пытался сложить вразумительное пригласительное письмо. Но ничего не получалось. В его темный просторный кабинет влетела Аполлинария. В руках у нее было то самое письмо.

Он положил перо и провел рукой по бакенбардам, а потом

и по волосам, приглаживая их, но кудрявые волосы не поддавались. Синий фрак со стояче-отложным воротником, с накрахмаленным стоячим воротничком, что полностью закрывал его шею, бежевая жилетка и брюки позволяли ему выглядеть моложе.

Савельевы занимаются изготовлением на заказ ювелирных украшений и их продажей.

– Что случилось? – спросил Александр.

– Дорогой, почтальон принес письмо.

Он хмыкнул, а потом усмехнулся.

– Что тут необычного?

– В письме говорилось о том, чтобы мы бежали из Российской империи, ведь скоро произойдет нечто страшное в государстве.

– Я уверен, не о чем волноваться. – После недолгой паузы сказал князь Александр. – Сдается мне, это не более чем чья-то злая шутка.

– При всем уважении, я с Вами не согласна, – начала отрицать Аполлинурия, – кому нужно так шутить? И почему это письмо на мертвом языке?

Александр встал и выхватил у нее из рук слегка помятое письмо. Затем он его несколько секунд рассматривал, будто понимая, что там говорится. Он откинул листок на стол, на котором педантично были разложены многочисленные бумаги и документы.

– Но я остаюсь при своем мнении. Это чья-то плохая

шутка. Все врачи знают латынь, у всех наших знакомых есть доктор. Они могли попросить врача перевести послание на мертвый язык, – ответил Александр и посмотрел в ее глаза.

Аполлиария же обиженно повернулась в сторону арочного окна, из которого в темный мрачный кабинет врывались теплые солнечные лучи. Они светили ей прямо в глаза, но княгиня терпела, ведь если она отвернется от солнца, то придется смотреть на него, а этого Аполлиария Савельева сделать ни как не могла, ведь она на него злится.

Но Александр знал, за внешней коварностью его жены скрывается добрая, всепрощающая женщина.

Он прикоснулся к ее ладони, и она обиженно, что-то неразборчиво приговаривая, покинула кабинет князя.

А Александр сел за стол и думал продолжить писать письма, но из головы у него не выходило то странное письмо. Может, автор послания прав? Или это всего-навсего чей-то неуместный розыгрыш?

* * *

Нужно спускаться к завтраку. Она надела нежно-голубое платье, красиво уложила волосы и пошла к лестнице. Были слышны какие-то голоса из холла. Она ускорила шаг и вскоре увидела тех, кто так оживленно говорил. Это была служанка, имя которой Аполлиария не знала, и Дмитрий Савельев –

младший брат князя Александра.

Сердце громко застучало, все снова покрылось каким-то туманом.

«Только не это!»

Тогда ей хотелось думать, что все это не более чем кошмарный сон.

Окончательно миновав лестницу, она остановилась и устремила свой растерянный взгляд на Дмитрия.

– Ты, что, забыла где твое место?! – злостно обратилась Аполлиария к служанке. – Немедля ступай на кухню!

Служанка поклонилась Аполлиарии и спешно убежала. Когда крестьянка покинула холл, Аполлиария чуть ближе подошла к нежданному гостю и, собрав всю свою смелость и терпение, произнесла:

– Могу ли узнать, какова цель Вашего визита?

Он хитро улыбнулся.

– В Алмазное меня пригласил Александр. Полагаю, Вы не осведомлены об этом, – сказал он тихим, но зловещим голосом, и, сняв цилиндр, склонился перед Аполлиарией.

– Если Вы ждете от меня реверанса, Вы не дождетесь его, – с трудом сдерживая подступающие эмоции, ответила княгиня.

Он усмехнулся.

– Так зачем Вы приехали в Алмазное?

– На прием, что устраивает Ваш муж. – Он опять хитро засмеялся. – Надеюсь, о бале Вы хоть знаете?

Она бросила на него безразличный взгляд и улыбнулась подобно волчице, которая через мгновение нападет на кролика.

– Я имею смелость и наглость просить Вас о непринужденной беседе, – сказал он, когда она уже отвернулась от него и поставила ногу на первую ступень.

На сей раз она уже сухо улыбнулась.

– Вы совершенно правы, Вы имеете редкий запас наглости для одного человека.

– Госпожа, смогу ли я хоть когда-то заслужить Ваше бесценное для меня прощение?

Княгиня резко повернулась и быстрым шагом приблизилась к нему.

– Мое прощение для Вас ничего не значит. А если бы Вы хоть на самую малость имели уважение к нашей семье, Вы бы не явились сюда!

– Но прошу заметить, что я пришел сюда не без приглашения.

Она звонко рассмеялась.

– Вы должны были отказаться. Мой муж крайне добрый и хороший человек, он простил Вас, но я Ваших действий не понимаю и поэтому простить не могу! Для Вас нет ничего ценного!

– Я прибыл сюда исключительно ради брата. Он пригласил меня, значит хотел видеть здесь. Кто я такой, чтобы огорчать его своим отказом.

– Огорчать его? Можете не притворяться! Я ни за что не поверю в Ваши слова, ведь каждая буква, сказанная Вами это не более чем очередной обман! Вы приехали сюда не ради моего мужа, а исключительно ради собственной выгоды. Признаюсь, мне не ясна причина Вашего прибытия сюда, но я буду следить за Вами, и лучше бы Вам меня не огорчать.

Она уверенным шагом поднялась по лестнице.

«Каков мерзавец! Он осмелился обмануть меня! Будь ты проклят», – вертелось в ее голове, пока она поднималась по лестнице.

К завтраку княгиня так и не спустилась. Она сидела в удобном кресле, читала сборник стихов и пыталась понять, зачем Александр пригласил на бал того, кто не так давно пытался их всех убить...

* * *

Ева прошла по столовой вдоль стола и села напротив Аполлинаруии. Подали обед. За большим овальным столом восседало все семейство Савельевых. Во главе стола сидел Александр, возле него с двух сторон сидели Аполлинаруия – его жена и Ева – его мать. За Евой сидели дети Александра и Аполлинаруии: Анастасия, Петр и Мария. А за Аполлинаруией сидели Роман и Екатерина – их младшие дети. Напротив Александра сидел отец Аполлинаруии Семен Березин,

а между ним и Марией расположилась жена Семена Анна Березина.

Солнце освещало просторную столовую, пожалуй, столовая была самым светлым помещением со всего имения.

Мирное молчание прервала мать Аполлинаруии Анна:

– О, Ева, Вы, как я посмотрю, охотно следуете моде.

Ева улыбнулась Анне. Для нее Березины не были людьми, достойными с ней общаться и надменное выражение лица, которое никогда и не исчезало с лица матери князя, при виде Семена и Анны только становилось более явным. Так случилось и сейчас.

– А Вы, что, отрицаете моду? – самодовольно улыбаясь, спросила Ева.

– Не всегда. Но современная мода слишком распушена. Такие платья, как носят сейчас, во времена моей молодости называли ночными рубашками. – Хихикая, высказалась Анна.

– Ну, у нас нет выбора. Не мы создаем моду. Мы лишь должны следовать ей. Но также Вас никто не смеет принуждать одеваться по последней моде. – С легким французским акцентом произнесла Ева.

Прочувствовав негативный настрой Евы, Анна решила на этой ноте остановить светскую беседу.

Вновь молчание прервала уже Аполлинурия:

– Александр, могу ли я спросить Вас, зачем Вы пригласили своего брата на предстоящий балл?

От удивления у Евы из рук выпали столовые приборы.

– О чем ты? – поинтересовалась Ева.

– Александр пригласил на предстоящий бал своего младшего брата – Дмитрия, – поведала Аполлинария и взоры всех, кто сидел за столом, мгновенно устремились на князя.

В ту самую секунду князь Савельев более напоминал загнанного беззащитного зверька, чем титулованного дворянина в третьем поколении.

– Я не обязан отчитываться, – твердо произнес Александр, – эта ссора дает основания для сплетен в обществе, а это нам ни к чему. Иногда приходится, наступая себе на горло, делать то, с чем вы не согласны!

В столовой повисла тишина, и нарушить ее смогли только громкие шаги извне.

– Кто там? – вновь оставив столовые приборы, спросила Ева.

– Он, – озвучила свои страшные опасения Аполлинария.

И порог столовой переступил высокий светловолосый мужчина в черной мантии. Это был Дмитрий Савельев. Он окинул глазами безмолвных, оцепеневших, словно превратившихся в каменные статуи, участников трапезы. Дмитрий сделал несколько шагов к столу и, отыскав свободное место, сел туда. Место располагалось между Екатериной и Семеном.

– Князь Александр, могу ли я Вас спросить, почему меня не позвали к обеду? – поинтересовался Дмитрий.

– Потому что Вам здесь не рады, господин Дмитрий, – дерзко произнесла Ева.

Он внимательно посмотрел на нее, а потом сказал:

– Разве таким тоном встречают сына?

– Мой сын сидит за столом возле меня, а Вы мне никто.

Вы лишь предатель и убийца! – окончательно потеряла над собой контроль Ева.

– Матушка, не помню, чтобы Вы когда-либо позволяли себе такую вольность в выборе слов, – усмехнулся Дмитрий.

– Мне некого стыдиться, – крикнула она, – каждый в этой комнате разделяет мои слова. Вам здесь не рады. Зачем Вы явились сюда?

Дмитрий истерично рассмеялся, что Еву окончательно повергло в шок. Дмитрий смеялся, окончательно позабыв обо всех правилах этикета и приличия.

– Дайте хоть слово сказать моему брату. – Успокоившись, произнес Дмитрий.

Александр решительно не хотел ничего говорить, потому как понимал, что, скорее всего, не сможет сдерживать свои чувства. Но, стиснув зубы, он заговорил:

– Вынужден согласиться с матерью. Тебе здесь не рады.

– Зачем меня пригласили?! – нервно отбросив на середину стола белоснежную салфетку, которая мирно лежала перед ним на тарелке, осведомился Дмитрий.

– Исключительно ради собственного спокойствия, – спокойно ответил Александр. В его планы никак не входило го-

ворить брату об истинной причине приглашения, но это было необходимо.

Дмитрий яростным взглядом осмотрел всех, сидящих за столом.

– Но, если уж я здесь, то до конца праздника я никуда не денусь. – Сказал Дмитрий. – В честь чего бал?

Общаться с предателем, заговорщиком и убийцей никто не желал. Все, словно сговорившись, делали вид, что не слышали господина Дмитрия.

– Ну, что ж, прошу меня простить. – Сказал он, вставая, – я скажу слугам, что бы они принесли обед мне в комнату.

Дмитрий ушел, посеяв в столовой всеобщее негодование.

* * *

Дождавшись, пока все разойдутся по комнатам после обеда, а Аполлинария выйдет в сад, Дмитрий неспешно пошел за ней.

Княгиня Савельева сидела в беседке и явно размышляла о чем-то очень ее волнующем. Дмитрий постоял немного на крыльце, любуясь лицом его возлюбленной, которая почти стала его женой.

...Это была длинная история, вспоминать которую никому из ее участников не хотелось. Случилось все очень давно – двадцать девять лет назад. У князя Константина Савельева и его жены было трое детей: Александр, Дмитрий

и дочь Диана. Константин понимал, что ему нужен наследник, и им должен был стать Дмитрий, ведь княжеское наследство передается младшим сыновьям. Когда все началось, Дмитрию было восемнадцать лет, а Александру девятнадцать. В один из таких же жарких июльских дней, как сейчас, Дмитрий привел знакомить с отцом свою невесту и ее родню – Аполлинару с родителями. Аполлинурия произвела на Константина хорошее впечатление. А вот Семен с Анной с самого начала были против женитьбы их дочери с Дмитрием. По убеждениям Семена все девушки должны идти в монастырь, а вот мужчины – должны унаследовать хозяйство. Только когда Семен изложил эту точку зрения, Константин весело рассмеялся и сказал:

– Господин, не могу не заметить некоторый изъян в Вашем убеждении. Если все женщины должны идти в монастырь, то, как мы будем получать наследников?

Семен ничего на это не отвечал, но точки зрения не изменил.

Шло время, все активно занимались свадьбой. Дмитрий уже примерял на себя роль хозяина всего имения и подворья.

А Аполлинурия в это время не на шутку полюбила старшего брата Дмитрия. Они втайне от всех встречались, мечтая о совместном будущем. Оба при этом понимая, что вместе они никогда не будут.

Тем временем Дмитрий перешел от ежедневных мечтаний о безоблачном будущем к действиям. Он распланировал все.

Константин Савельев был здоровым человеком, почти никогда не болел. Дмитрий понимал, что ждать, пока Константин умрет своей смертью, он не может. Столько ждать было просто нельзя. Поэтому он решил их убить. Дмитрий достал яд, подговорил нескольких крестьян, чтобы они создали видимость какого-то заговора.

Это был прекрасный план. Он продумал все тонкости, ничего не могло пойти не так.

Но если бы не Александр, который прошел мимо комнаты Дмитрия, где тот заканчивал последние приготовления к убийству. Александр потребовал объяснений, а Дмитрий без всякого труда все подробно рассказал.

Александр ушел, сделав вид, что не будет стоять на пути у брата. В тот же вечер он рассказал все Аполлинарии. Они решили ничего пока не предпринимать.

Прошла долгая ночь. На следующий день была назначена свадьба.

Аполлинария не могла выбросить из головы тот факт, что ее будущий муж, человек, которого она когда-то любила, убийца! На церемонии венчания Аполлинария не выдержала:

– Я не могу стать женой этому страшному человеку! Я люблю другого! Дмитрий убийца!

Она все рассказала, а потом подбежала к Александру, все это время стоявшему в углу, и с уверенностью произнесла:

– Я люблю его! Александра! Я хочу выйти за него замуж!

В тот день они и поженились.

Но Дмитрия голословные обвинения не остановили, он всего лишь решил убить еще и Александра с Аполлинарией.

Ева чудом спаслась от смерти, не выпив вовремя отравленное вино. На ее глазах Константин погиб. Она все поняла. Ева догадалась, кто убил Константина и чуть не убил ее.

Она прекрасно понимала, что не сможет управлять хозяйством и снова сделать его прибыльным, как это было при Константине. Поэтому она передала все дела в руки Александра. А тот, в свою очередь поставил перед братом выбор: или казнь, или побег из Санкт-Петербурга, с последующей клятвой никогда не возвращаться. Он, само собой, решил бежать...

И вот, прошло двадцать девять лет, и он снова вернулся. Дмитрий помнил каждую секунду тех дней. Все было словно вчера.

Он стоял на крыльце и наблюдал за ней. Лицо уже не было таким же безмятежным. Оно было немного побито временем, но оставалось таким же прекрасным. Дмитрий смотрел на нее, смотрел и не мог не улыбаться.

Дмитрий медленно подошел к беседке.

Когда его тень стала закрывать яркое теплое солнце внутри беседки, Аполлинария повернулась к нему. Его лица она разглядеть не смогла. Стоял темный силуэт высокого человека. Но она сразу поняла, кто это, и повернулась в противоположную от него сторону.

А Дмитрий вошел в беседку и сел напротив нее.

Она резко встала и думала уйти, но Дмитрий остановил ее, схватив за пухлую руку, крепко державшую веер нежно-голубого цвета (полностью схожий с ее платьем).

– Отпустите, а иначе я закричу, – пригрозила Аполлинария, между попытками вырваться.

– Нет, – тихо и угрожающе проговорил Дмитрий, – нет, я не выпущу Вас, пока мы не поговорим.

– Мне не о чем с Вами говорить!

– А вот мне есть о чем! Я люблю Вас. Мои чувства не увядают со временем, но становятся сильнее.

– Я не могу ответить Вам тем же. Я не чувствую к Вам ничего.

– Ничего? Я не верю Вам! Лишь вспомните, как мы любили друг друга. Как гуляли по парку и мечтали о будущем. Неужели могли Вы забыть такое чувство?

– Могла. Я его забыла, и Вас я забыла!

– Когда? – ели шевеля губами, спросил Дмитрий. – Когда Вы перестали любить меня?

Она промолчала.

– Когда?!

– Когда впервые встретила своего мужа! Вас устраивает мой ответ?

– Почему? – ошарашенно пробормотал он.

– Я не знаю! То чувство, которое я испытывала к нему было в разы сильнее того, что я испытывала к Вам!

Он ослабил руку, и княгиня смогла вырваться, но не убежала, лишь отошла на пару шагов.

– Значит, Вы любили меня, – лихорадочно произнес Дмитрий. – Двадцать девять лет!

Она молчала, не зная, что нужно говорить.

– Двадцать девять лет я жил с мыслью о том, что моя любовь к Вам была безответна! Смогли бы Вы забыть о моих деяниях?

– Нет, то, что Вы совершили, не забудется никогда, – тихим, едва слышным голосом ответила Аполлиария.

– Я изменился. Почти тридцать лет прошло! Я стал другим. Я все осознал! Я...

– Не имеет значения. Вы уже совершили это! Вы убили однажды! Время назад не вернешь! Вы стали убийцей в тот самый момент, когда осмелились хотя бы поразмыслить о возможности совершения убийства! – она внимательно смотрела на него. Он в то время сидел с озадаченным лицом. – Вы убили своего отца и хотели убить мать с братом! Вы так же были намерены убить и меня!

– Я изменился!

– Даже если я и любила бы Вас хоть немного, уже поздно что-то делать! Все уже сделано много лет назад. У меня есть муж и дети.

Он продолжал озадаченно смотреть на небо. Она смотрела в свою очередь на него.

– У Вас более нет вопросов? – спросила Аполлиария.

Он медленно покачал головой.

– Тогда эта тема закрыта раз и навсегда!

Она вышла из беседки и вошла в дом, а Дмитрий остался там и сидел еще около трех часов.

«Какой же идиот! – осуждал он себя мысленно, – я сам разрушил свою жизнь! Потерял ее! Если бы можно было вернуться в то время, я бы все сделал по-другому! Но это невозможно! Невозможно, как и прощение моих родных! Зря я сюда прибыл!»

Дмитрий Савельев встал и медленно, не спеша, вошел в дом. Нахлынули детские воспоминания.

Тогда еще был жив отец, тогда еще не было темноты, какой-то вязкой горечи и необъяснимой грусти, как сейчас.

Тогда все было хорошо.

Тогда все жили мирно.

Тогда никто никого не хотел убивать.

* * *

– Oh, Jean-Jacques, je suis heureux que vous pourriez venir³, – восторженно воскликнула Ева.

Низкий толстенький мужчина шестидесяти шести лет в бежевом фраке, бежевых же брюках и белоснежной рубашке. Кудрявые рыжие волосы торчали во все стороны.

³ О, Жан-Жак, я рада, что ты сумел приехать,

– Ma chère sœur, je suis extrêmement heureux que vous contemplez⁴! – воскликнул Жан-Жак и обнял сестру.

Она всегда была выше него примерно на голову.

Ева была одета в желтое платье, в почти прозрачные перчатки, а в руках виднелся веер. Ее светлые волосы были красиво уложены.

– J'espère que vous serez satisfait de notre balle. Passez une bonne soirée⁵. – Сказал Александр.

Жан-Жак пошел вглубь полу заполненного зала.

Гостей встречали Александр, Аполлинару и Ева Савельевы. Березины и дети общались с гостями.

Жан-Жак Рогов – брат Евы Савельевой. Их мать была француженкой, а отец Михаил Рогов – русский. У Михаила и Каролин был уговор: одного ребенка назовет он, второго – она. Так и произошло.

Далее в поле зрения Александра, Аполлинару и Евы попался дядя Александра по отцовской линии – Игорь Савельев.

– Добро пожаловать на наш праздник, – произнесла Ева, искусственно улыбаясь.

– Здравствуйте, – расплылся в улыбке Игорь Савельев.

– Игорь Степанович, – Аполлинару, как и полагается, сделала небольшой реверанс и бесчувственно улыбнулась. – Мы рады Вашему приезду.

⁴ Моя дорогая сестренка, я безмерно рад Вас лицезреть!

⁵ Надеюсь, Вы останетесь довольны нашим балом. Приятного вечера.

– Мы очень признательны, Игорь Степанович, тому, что Вы нашли время посетить наш бал, – выговорил Александр, – я искренне надеюсь, что Вы будете довольны вечером.

Игорь Савельев прошел в зал.

– Как же я устала, – протянула Аполлиария, – более всего терпеть не могу эти приемы.

Ева хитро улыбнулась, впрочем, она и не умела улыбаться как-то по-другому. Все ее улыбки казались хитрыми, и таящими в себе какой-то подвох.

– Дорогая Полли, ты же не маленькая девочка. Не скули. Женщина должна терпеть.

Аполлиария словно провалилась в ад. Лицо загорелось, дышать стало почти невозможно.

«Только не сейчас...» – подумала Аполлиария.

Она оперлась на мужа и ухватилась за его руку.

– Дорогая, с Вами все в порядке? – участливо спросил Александр.

– Да, – вяло ответила Аполлиария и почувствовала страшную и тревожную слабость во всем теле. Ноги стали словно ватными.

Ева стояла и с пренебрежением смотрела на Аполлиарию, которая уже заметно побледнела и практически висела на плече Александра.

«Нужно терпеть... – подумала Аполлиария. Нужно стоять, нужно держаться. Еще целый вечер впереди».

Далее в полном молчании мимо них прошел Дмитрий Савельев. Неизменно вместе с этим человеком в души членов семьи Савельевых входила горечь утраты и обида, смешанная с яростью и злостью.

Сразу после Дмитрия пришла младшая сестра Александра и Дмитрия – Диана Савельева.

– Мой дорогой братец, – всплеснула руками Диана, – а ты все еще не погубил это итак обреченное хозяйство! Признайся ты уже, наконец, что женился на этой женщине только из-за скудного бюджета ее семьи! – Она указала пальцем на Аполлинарию.

А жена Александра уже смутно понимала, где она и что происходит. Она то и дело проваливалась в бездну, где наступала ужасная, страшная темнота.

Диана смеялась, любуясь бледным, совсем уже неживым видом хозяйки дома.

– Диана, не помнится мне, что я приглашал тебя, – произнес Александр.

– Но меня все равно пригласили, – нагло ответила темно-волосая женщина.

– И кто же? – поинтересовалась Ева.

– Мой старший братец Дмитрий.

В голове Александра весь пазл моментально сложился.

«Дмитрий пригласил Диану, потому что знал – она обязательно устроит здесь „выступление“! Она могла без труда закатить безосновательную истерику, или просто хамить го-

стям. У Дианы был ужасный характер, и все об этом знали. Дмитрий специально позвал Диану на бал, чтобы она испортила все. Но зачем ему это?»

– Ладно, можешь проходить, – произнес Александр на выдохе. А когда его сестра отошла, он тихо, почти шепотом, сказал: – Я еще об этом пожалею.

Потом было затишье. Ева даже всерьез подумала, что гостей более не будет.

– Александр, может, остальные гости не пришли? – поинтересовалась Ева.

Князь Савельев отрицательно помотал головой.

– Слишком много гостей не явилось, матушка. Надо ожидать, – спокойно ответил Александр.

И как только Александр замолчал, к ним подошел молодой князь Зарубов.

Родители князя Юрия Зарубова умерли, когда ему едва исполнилось восемнадцать лет. Но, не смотря на то, что все ему пророчили скорое банкротство, так как молодой юноша не смог бы управлять таким огромным хозяйством и вести дела, он, вопреки всем ожиданиям, не только сохранил власть в своих руках, но и увеличил доходы практически в два раза. Александр искренне надеялся поженить его с одной из своих дочерей.

– Господин, для меня честь быть на этом приеме, – вежливо произнес Юрий, искренне улыбаясь.

– Благодарю Вас, – ответила Ева, – надеюсь, Вы останетесь

довольны балом.

– Я тоже на это надеюсь, госпожа, – уже немного неловко и неуверенно сказал князь Зарубов.

– Приятного вечера, – не снимая с лица улыбку, пожелала Ева Савельева.

Юрий отошел. Князь Зарубов был очень похож на старшего сына Александра Петра. Такие же кудрявые черные волосы, овальное лицо, такой же полноватый.

Аполлиария тем временем еле стояла на ногах. Глаза она держала закрытыми, за что получила в свой адрес выговор от Евы:

– Господи Боже, Аполлиария! Хватит спать! Ты встречаешь гостей! Это как минимум не прилично!

А она уже не могла ответить – просто не хватало сил, чтобы открыть рот.

– Дорогая, я проведу Вас до кресла, – заботливо проговорил Александр своей жене и медленно повел ее к дивану.

И когда Ева Савельева осталась одна, пришел отец Ираиды Ленской (невесты Петра) Ленский Егор Кузьмич. Он, будучи по-настоящему счастливым от возможности встретиться с Евой, улыбался и не мог прекратить.

– О, Егор, а я уж думала, что Вы к нам не приедете! – воскликнула Ева, изображая взаимную симпатию.

На самом деле Егор Ленский был ей противен, но вот деньги, которыми он распоряжается, ей очень нравились.

– Как я мог не приехать на такой важный прием. – Ответил

Егор, целуя ей ладонь. – Вы обворожительны, как всегда.

– О, месье, Вы мне льстите, – умело играла свою роль Ева.

Ева первые пятнадцать лет своей жизни прожила во Франции и поэтому не редко пользовалась французским акцентом. Своим умением управлять людьми как марионетками и влюблять их в себя она заработала все, что имела. Не редко Константин Савельев просил ее влюбить в себя какого-нибудь чиновника или дворянина, расположение которого было необходимо для получения прибыли. Она соглашалась, и помогал ей в выполнении миссии именно французский акцент.

– Приятного Вам вечера, месье, – пожелала Ева и помачала ему рукой.

Александр довел Аполлинарию до дивана, усадил ее и сам заметно побледнел от волнения. Она села, но лучше не становилось.

– Дорогая, я приведу доктора, держись, – он крепко держал ее за руку. – Держись, я сейчас приду с доктором.

Александр убежал.

Рассеянным взглядом она осматривала гостей и проклинала себя за то, что так плохо себя чувствует.

К Еве Савельевой тем временем подошло семейство помещиков Головиных: Николай и Агнес Головины со своей дочерью Елизаветой. Головину было пятьдесят лет, а его жена была младше его на год. Дочке около месяца назад исполнился двадцать один год.

– Добро пожаловать к нам на бал, – улыбнулась Ева и протянула Николаю руку, чтобы тот ее поцеловал.

Вообще Ева была крайне не довольна тому, что ее сын пригласил на прием помещиков. Как они могут помочь их делу?! Но Александр настоял, и Ева решила не спорить с сыном.

– Дорогая, у Вас чудесное платье, – сделала Ева комплемент Агнес.

Агнес была худой, высокой и очень бледной. Любое платье, которое она надевала, просто висело на ней. Это бежевое платье с золотыми звездочками не было исключением. Красная шаль никак не подходила к платью, а желтые туфли вообще выбивались из образа. Но прическа была хорошей. И веер был подобран в цвет платью.

А вот Николай с дочерью были одеты более прилично. Елизавета была в платье фишашкового цвета, и все аксессуары подходили под него. Дочь пошла в отца – была такой же пухлой и низкого роста. Николай был в черном фраке, белоснежной рубашке и брюках бледно-песочного цвета. Волосы их всех троих были одного тона.

– Здравствуйте, Ева, – произнес Николай и поцеловал ей руку.

– А где же хозяин имения князь Александр? – смотря на Еву свысока, осведомилась Агнес.

– Он скоро подойдет, господа, – совсем уж неестественно ответила Ева. – Желаю Вам приятного вечера.

– Спасибо Вам, госпожа, – ответил Николай, и они вошли вглубь зала.

Еве уже немного надоело стоять здесь. Но так было надо и никуда от этого не деться.

– Что с ней, доктор? – волнуясь за жену, спросил Александр.

Филимон Геннадьевич посмотрел на князя Савельева и решительно ответил:

– Ей нужна тишина и покой. Без всяких балов. Она просто устала. Я провожу ее до спальни, а Вы возвращайтесь к гостям.

– Александр, а я уж подумала, что ты бросил меня, – иронично сказала Ева, когда Александр вернулся к ней.

– Кто еще прибыл, пока я отсутствовал? – спросил князь.

– Егор Ленский и семейство этих помещиков...

– Головины?

– Да.

– Ну, тогда все в сборе. Можно идти к гостям.

Ева в ту секунду просто ликовала. Полвечера она стояла здесь как статуя вместо того, чтобы общаться с гостями.

Пока Ева шла по залу, она встретила с Георгием Ленским – братом Ираиды, а также с бароном Григорием и его матерью Мартой Грушиными. Еще на приеме были, разумеется, все дети Александра и Аполлинарии и Березины-старшие. Дело в том, что четыре дочери Анны и Семена перед Аполлинарией ушли в монастырь из-за настояний отца.

Ева остановилась около Анны и Семена, которые оживленно о чем-то беседовали с Жан-Жаком, и не смогла не подойти.

– Я не помешаю вам? – улыбаясь, спросила Ева.

– Non, Eve⁶! – ответил Жан-Жак, и Ева стала подле него.

Они стояли тесным кругом.

– Qu'est-ce que tu racontes⁷? – поинтересовалась Савельева-старшая.

– A propos de France. Je leur dis qu'il est à la mode en France⁸. – Бодро ответил Жан-Жак.

– Je n'étais pas depuis longtemps à Paris. Et les choses sont là-bas? Il est toujours le même trou⁹?

– Oh, ma chère sœur, je ne me souviens pas, que feriez-vous permettre à votre pensée varazhat avec une telle dureté¹⁰.

– Les années passent. Nous changeons tous. Vous aussi vous ne restez pas la même chose, mon ami¹¹. – Философски ответила Ева.

Петр со своей невестой Ираидой танцевали матредур и во время танца застенчиво смотрели друг на друга.

Ираида – слегка полноватая особа. Лицо ее было испуган-

⁶ Нет, Ева.

⁷ О чем Вы беседуете?

⁸ О Франции. Я говорю им о том, что сейчас модно во Франции.

⁹ Я давно не была в Париже. И как там обстоят дела? Там все та же дыра?

¹⁰ О, моя дорогая сестренка, не помнится мне, что бы Вы позволяли выражать свои мысли с такой резкостью.

¹¹ Годы идут. Все мы меняемся. Ты тоже не остался прежним, братец.

ным, а во взгляде читалась неуверенность. Она держала в руках веер, а надето на ней было платье цвета орхидеи.

Петр был во фраке цвета синей пыли. Он был значительно выше своей невесты. Она ему нравилась своей начитанностью, своим характером. Ему нравились ее глаза, ее улыбка, ее фигура. Но при всем при этом он ее не любил. Наверное, она его тоже не любила. Они познакомились-то две недели назад, когда вопрос об их браке был полностью решен.

Молчание прервал Петр:

– Ираида, Вы должны меня выслушать.

Ее взгляд устремился в пол, словно она не хотела ни о чем говорить.

– Что Вы хотите сказать? – тихим, едва ли разборчивым голосом осведомилась Ираида.

– Поймите, Вы мне очень нравитесь... нет, нет, не то. – Он на несколько минут замолчал, а она не решалась говорить (тишина в этой ситуации ей нравилась куда больше).

Через несколько минут, когда они уже закончили танцевать, он опять заговорил.

– Можем ли мы пройти в сад, здесь слишком шумно.

– Да, конечно, – ответила Ираида, и молча направились к саду.

Они остановились между высокими кустами роз, под темным звездным небом. Ираида присела на скамейку, а Петр встал напротив нее.

Петр боялся начать разговор, но понимал, что если он

не хочет недопонимания, то обязан начать его.

– О чем Вы хотели говорить? – прорвавшись сквозь свою застенчивость и страх, спросила Ираида.

Она боялась Петра. Боялась того, что он может с ней сделать. Боялась его просто потому, что по законам она может практически стать его вещью! А она человек! Она не вещь! И когда она станет замужней женщиной, никто ее не в праве больше защищать. Только муж. Только тот, кого она уже сейчас боится больше всего на свете.

– Я хотел поведать Вам о своих чувствах, – начал он и опять осекся.

– Сударь, если мое чувство Вам не безразлично, я хочу поведать Вам и о своих чувствах, – она сидела и не переставала смотреть на свой веер. Смотреть ему в глаза было страшно. – Я боюсь Вас. Не сочтите за дерзость или невежество, но, как я понимаю, мы говорим о чувствах без наигранности. Говорим правду. Вот моя правда – я Вас боюсь.

– Почему? – после небольшой паузы произнес Петр.

– Я перестану быть человеком для Вас, – ответила она, всматриваясь в изгибы своего веера.

Он слегка улыбнулся.

– Почему Вы так решили, сударыня?

– Потому что у меня есть глаза. Я вижу, как это бывает. Жена становится вещью, целиком и полностью принадлежащей мужу без своего на то желанья. – Вырвалось из ее дрожащих губ.

По его лицу опять пролетела тень улыбки, но на сей раз она так быстро не исчезла.

– Будьте уверены, Ираида Егоровна, у нас все будет по-другому. Вы будете счастливы, а я постараюсь обеспечить Вас этим счастьем. Вы ни секунды не пожалеете о том, что стали моей женой.

Они помолчали около пяти минут. Ираида смотрела на звездное небо, еще не совсем черное, синее. Графиня Ленская непрерывно смотрела на небо и рассуждала о словах своего жениха. Бояться она его не перестала, но начинала верить.

Он стоял и смотрел на качающиеся от легкого ветра ветки яблонь и листочки на цветочных кустах. Она его несказанно удивила. Петр Савельев подозревал, что она стесняется его, но что боится.... Такого он предвидеть не мог.

– Ираида, я должен Вам сказать... собственно, именно поэтому я и позвал Вас на эту беседу, – неуверенно сказал Петр. – Я не хочу Вас обидеть или унижить. Я просто хочу поведать Вам правду до брака. Чтобы в будущем между нами не было недопонимания. Лучше сейчас все сказать. Ираида, Вы хорошая, умная, красивая, приличная дама. Вас ждет великое будущее! Я буду горд и счастлив, называть Вас своей женой, иметь с Вами общих детей, быть с Вами на всех приемах и балах. Правда. Но есть одна проблема. Я... я... Вас не люблю, – он сказал последнюю фразу почти шепотом.

– Петр, должна признаться, я не удивлена, – улыбаясь,

проговорила Ираида. – Вас наверняка известили о женитьбе со мной, когда этот вопрос был полностью решен нашими предками. Здесь нет ничего странного или обидного. Как мы можем любить друг друга насильно? Это нормально. Я тоже Вас не люблю. Но у меня есть к Вам лишь один вопрос.

– Какой же?

– Будете ли Вы счастливы?

– Я... не очень Вас понимаю, – протянул Петр.

– Чуть ранее Вы сказали, что сделаете все, что Вам подвластно, лишь бы я была счастлива. А будете ли Вы тогда счастливы?

Он молчал и это молчание Ираида Ленская, которая была далеко не глупой барышней, приняла за ответ...

Мария Савельева, девушка двадцати пяти лет от роду, с тихим и спокойным характером. Она никогда и ни в кого не влюблялась. Родители: Аполлинария и Александр Савельевы очень обеспокоены этим. Чуть ли не на каждом приеме Аполлинария дает такое наставление дочери:

– Встреть какого-нибудь дворянина и полюби его.

Насильно выдавать замуж дочерей Александр решительно не хочет. Он вообще очень любит и оберегает своих детей и хочет, что бы все были счастливы.

«Кто он?» – спрашивала сама у себя Мария, не прекращая сверлить его взглядом.

Она смотрела на князя Юрия Зарубова, только тогда еще не знала его имени.

Любовь ли это? А может, интерес. Может, ей просто интересен этот человек? В ту самую минуту Марию потянуло к философским размышлениям. Эта тяга к философии была для нее обязательной частью рассуждений. На любую тему она могла *думать* часами.

«Может, все же, подойти к нему и заговорить, – металась в ее голове совершенно бредовая и нетипичная для самой Марии мысль. Нет, нельзя. Зачем я ему? Здесь полно более красивых дам. Он такой прекрасный, я его не достойна. Хотя, откуда я могу знать о том, что он прекрасен, ведь я даже не знаю его имени! Нет! Имя здесь абсолютно ни при чем. То, что человек хороший и прекрасный, видно сразу и без имени. Это невозможно сыграть. Он прекрасный. У него глаза такие добрые и замечательные! Он очень хороший человек! И я со всеми своими недостатками его не достойна».

Она так глубоко погрязла в своих размышлениях, что даже не заметила, как предмет ее размышлений и рассуждений подошел к ней.

– Здравствуйте, миледи, – произнес он, улыбаясь.

Мария от неожиданности вздрогнула.

– Меня зовут Юрий Зарубов. Я князь. Юрий Дмитриевич Зарубов. А Вы Анастасия? Дочь князя Александра Савельева?

– Я дочь князя Савельева, но не Анастасия, а Мария. – Неловко улыбаясь, ответила Мария.

– Не согласитесь ли Вы потанцевать со мной? – уверенно

предложил он ей и протянул руку.

«Это всего лишь танец, успокойся. Не о чем волноваться», – уговаривала себя Мария.

– Для меня честь потанцевать с Вами.

Дмитрий Савельев уверенно направился к Елизавете Головиной. Впрочем, тогда еще он не знал ее имени. Она оживленно говорила о чем-то с его племянницей Екатериной. И когда он подошел к ней и она посмотрела на него глубокими голубыми глазами, он был словно обездвижен ее красотой. Дмитрий полюбил ее. Так же, как когда-то полюбил Аполлинарию. Или даже сильнее.

В ту секунду, когда увидел ее, он благодарил Бога всеми известными ему словами благодарности. Благодарил за то, что дал еще один шанс. За то, что позволил снова полюбить. За то, что дал возможность быть счастливым.

– Вы не будете против, если я приглашу Вашу подругу на танец? – спросил он у Екатерины, когда немного пришел в себя.

Екатерина высокомерным и злобным взглядом посмотрела на дядю. Было видно, если бы не многочисленные гости, она бы высказала ему все, что думала и что так долго держала в себе. Но она промолчала.

– При чем здесь я? – сухо ответила Екатерина вопросом на вопрос. – Только бы она была не против.

Он перевел свой взгляд на предмет своего обожания.

– Я не откажусь потанцевать, – с идеальной, как казалось

Дмитрию, улыбкой ответила девушка.

Он нежно взял ее за руку и, отойдя от уже покрасневшей от злости Екатерины, они начали танцевать, как и все, матредур¹².

– Как Вас зовут, барышня?

– Я Елизавета Головина. Дочь помещиков Николая и Агнес Головиных.

Последовало короткое, но очень напряженное молчание.

– А меня зовут Дмитрий Савельев. Я брат Александра.

– Вы тоже князь? – ахнула Елизавета.

– Нет, – на выдохе ответил Дмитрий.

Следующие полчаса он рассказывал ей свою историю. Рассказывал и думал, что обречен. Кто захочет иметь дело с убийцей? Но она все поняла. Она поверила в его раскаяние. И когда они прощались, она сказала:

– Я полюбила Вас, сударь, когда в первый раз увидела. Такого со мной прежде не случалось.

Она ушла и больше к нему не подходила. И Дмитрий ее больше тем вечером не видел. Теперь он был полностью уверен в своих мыслях. Не осталось ни капли сомнения: она – дар ему от Бога.

Диана Савельева, увидев не бедного барона Грушина, сра-

¹² Французский бальный танец XVIII—XIX веков в характере **Контрданса**. Музыкальный размер – 2/4. Темп умеренный. Исполняется в две линии, мужская линия располагается напротив женской линии. Характерной особенностью танца является поочерёдное исполнение четвёртой фигуры танца каждой парой. (примечание автора)

зу поняла, что он будет ее мужем. Для Дианы главное и единственное, что имеет значение в жизни – деньги. Она может поступиться всем, своей честью, гордостью и чувствами ради материального счастья.

Григорий Грушин – мужчина тридцати одного года, передвигался он подобно шару, одетому в одежду. Он даже более походил на снеговика (шарообразное туловище и такая же шарообразная голова), чем на человека.

Диана унаследовала от матери замечательную способность влюбить в себя любого человека. Хотя и во внешности ее не было ничего особенного, все же она за считанные минуты могла завладеть сердцем мужчины и крутить им, как ей того хочется.

Она спокойный шагом подошла к Григорию, который в это время сидел и беседовал с другими гостями. Они стояли около большого арочного окна, из которого виднелись летние сумерки.

И когда Диана уже подошла к «цели», она начала свою мастерски отточенную актерскую игру. Она сделала вид, будто ей внезапно стало плохо, и упала прямо перед Грушиным. Он, разумеется, поймал ее в полете.

– Мадам, Вам нездоровится? – испуганно спросил он у еще не известной ему дамы.

Она изящно и наигранно приложила ладонь ко лбу и, опираясь на его плечо, снова встала на ноги.

– Совсем немного. – Улыбаясь только уголком рта, отве-

тила Диана.

– Я осмелюсь спросить Вас, как Вас зовут? – громко, но запинаясь через слово, спросил Григорий.

– Я? Я Диана Савельева, сестра Александра, – стыдясь своей родни, ответила Диана. – А Вы? Кто Вы, мой спаситель?

Он застенчиво заулыбался.

– Я Григорий Юрьевич Грушин. Барон.

– Барон? – Ахнула Диана. – Стало быть, Вы очень богаты!

– Почти так.

– О, господин, Вы так застенчивы. Это мне в Вас очень нравится.

– Спасибо. Вы *тоже* прекрасны, – не очень удачно сделал комплемент барон. – Могу ли я пригласить Вас на танец?

– Конечно ж можете. И я незамедлительно соглашусь. – Улыбаясь, произнесла Диана.

Он замешкался и из его рук выпал цилиндр. Григорий поднял его, а тем временем в голове Дианы Савельевой промелькнула мысль: «Ну, почему, если господин богат и если он барон, то обязательно полное ничтожество?».

– Вечер прекрасный, мы Вам несказанно благодарны за возможность побыть здесь, – произнес Николай Головин, уже собираясь уходить домой.

– Мы рады, что Вы пришли, – в ответ сказал Александр.

Все мысли у князя Александра были исключительно о его жене, которая лежит сейчас в кровати; которой в эту самую

секунду очень плохо. Ему совершенно не хотелось сейчас быть на этом дурацком балу. Собственно говоря, его там и не было. Было только тело, а душа и мысли были с большой женой, которая в эту самую секунду нуждается в нем больше, чем этот праздник.

Екатерина и Анастасия Савельевы – младшая и старшая дочери Александра и Аполлинаруии. Сначала они обсуждали погоду, потом приступили к обсуждению гостей, а затем, когда заметили, как Мария (их сестра) танцует с князем Зарубовым, стали обсуждать ее.

– Ты это видела? – ахнула Анастасия.

– Что там? – подскочила на месте Екатерина.

– Наша скромница танцует с молодым князем Юрием, – ехидно улыбаясь, ответила Анастасия.

Они завистливо смотрели, как весело их сестре, как она танцует с молодым князем. При этом им самим никто не препятствовал с кем-то танцевать. Да им и не хотелось. Сама мысль о том, что Мария танцует с одним из самых завидных женихов Петербурга, не давала им покоя. По их мнению, Мария не достойна такого парня. Она не достойна даже говорить с ним, не то что бы танцевать.

– Смотри-ка, а потом корчит из себя невинность, – продолжала бурно обсуждать сестру Анастасия. – У нее же ни внешности, ни денег. Всем известно, что отец отдаст замуж за хорошим приданым только меня.

– Почему это только тебя? – обиделась Екатерина.

Анастасия рассмеялась.

– Ну, а ты думаешь, что тебя ждет удачное замужество?!

Екатерина помолчала немного, но потом собрала волю в кулак и ответила сестре:

– Ну, раз так, то не надобно мне никакого приданого! Я выйду замуж за того, кто будет любить *меня*, а не мое приданое!

Она обиженно отошла от старшей сестры и затерялась где-то в центре зала.

Марта Грушина стояла в самом углу зала, возле входа и тоскливо разглядывала гостей. Она думала о том, что все дети рано или поздно вырастают. Вот и ее единственный и самый любимый сын Григорий уже вырос. Он оживленно и заинтересованно общается с какой-то, на вид весьма приличной, дамой. Но ее сердце все так же обливалось кровью. Она ни на секунду не отводила от сына взгляда и молила Бога, что бы с ним ничего не случилось. Отец Григория умер, когда мальчику было три года. Все имущество осталось на плечах безутешной вдовы – Марты. Она одна, без всякой помощи подняла хозяйство, сделала все возможное для того, что бы ее сын вырос достойный человеком. И теперь он стал тем, кем она хотела, что бы он стал. Пора ему и жениться. Пора думать о наследниках.

«Господи, боже, спасибо за то, что дал мне это чудо!» – благодарила бога Марта.

Ее рассуждения прервал Игорь Савельев – дядя Дианы.

– Вы Марта Грушина? – спросил он бесцеремонно.

– Да, это я, – ответила дама и повернулась к нему. –

А Вы?..

– Игорь Савельев – дядя той особы, с которой общается Ваш сын.

Марта боковым зрением глянула на нее.

– Видите ли, я хотел бы поведать Вам о своей племяннице.

– И что с ней не так?

Он замешкался.

– Говорите же! – нетерпеливо крикнула Марта.

– Она не полюбит Вашего сына.

– Отнюдь. На мой взгляд, она уже полюбила его.

– Вы не правы.

– Объяснитесь.

– Ей не важны чувства. Она выйдет замуж за Вашего сына только из-за денег...

– Что Вы говорите! Прекратите! Я не хочу более слышать ни слова!

Игорь, не обронив более ни звука, ушел.

* * *

«Дорогой брат, по одной важной причине я бы хотел остановиться в твоём доме на неопределённый срок. Надеюсь, вы поймете мою нужду и не откажете в помощи».

Так звучало короткое послание от Дмитрия Савельева

к Александру. Он бросил мятый лист бумаги на свой стол, в, и без того, огромную гору ненужной почты. Обычно в «той» горе месяцами лежали счета.

Он сел за стол и не смог выбросить из головы этого письма.

«Как нагл мой брат! – возмущался у себя в голове Александр. Я могу его не пустить, но совесть меня в покое не оставит. Что за причина у его брата для задержки? Нужно выяснить это непременно».

Александр посмотрел в окно. Жар с улицы заполнял кабинет князя. Стало практически невозможно дышать.

«Ладно, – принял решение князь Александр. Я разрешу ему остаться».

Через пару дней Дмитрий, получив одобрительное письмо от князя Савельева, вернулся в Алмазное и поведал брату о причине:

– На приеме я имел честь познакомиться с одной дамой. Она прекрасна. Я хочу, что бы она была со мной.

Неохотно, но князь все же поверил Дмитрию.

1797 год, июль – август

Вот уже несколько дней над Петербургом кружат темные, почти черные, облака. Создавалось впечатление, будто весь город сгорел дотла, и осталось только огромное облако дыма.

Но Санкт-Петербург не горел. Все ждали проливного дождя. Было очень холодно, особенно по утрам.

И вот настало 6 июля. Аполлиария привычно встала из-за стола после завтрака и направилась в сад. Но в этот день целый ритуал был нарушен. То, что проделывалось годами каждый божий день, было нарушено.

– Дорогая, – послышался голос князя Александра из столовой, когда Аполлиария уже вышла в холл.

Она медленно повернулась и возвратилась в столовую.

– Что Вам угодно? – спросила она мужа.

– Если Вы не возражаете, я бы хотел составить Вам компанию во время Вашей прогулки. Это возможно? – поинтересовался он.

Она немного подумала, а потом, прерывисто ответила:

– Конечно, возможно.

За последнее время Аполлиария заметно охладела по отношению к мужу.

Не дожидаясь его, она продолжила путь в сад. Он шел следом за ней и недоумевал, что происходит с женой. Но князю Александру Савельеву, который постоянно занят, легче

списать все на лето и сопутствующую этому времени года жару. Они не говорили уже, наверное, около полугода. Им так хорошо. Каждый живет обособленной жизнью, каждый занимается своими делами.

Она вышла в сад и, как всегда, будто здесь и нет ее мужа, начала гулять меж кустов роз, вечерницы, благодаря которой в саду был прекрасный аромат цветов, морозника, с чуть позелневшими цветками. Стены беседки были полностью засланы лианами кобеи¹³. Из-за легкого ветра листочки на кустарниках и деревьях шевелились, будто приветствуя хозяйку, вышедшую погулять.

Аполлиария подошла к беседке и присела на лавочку. К ней не спеша подошел Александр и сел напротив жены.

Несколько минут в воздухе висело неловкое молчание, после чего Александр осмелился произнести.

– Сейчас будет дождь.

Она улыбнулась.

– Вы в этом уверены? – выставив напоказ поддельную улыбку, проговорила Аполлиария, – такие облака уже несколько дней. И до сих пор ни одной дождевой капли.

– Я твердо уверен в том, что сегодня пойдет дождь, ведь так продолжаться не может. От такого зноя все посеы сгорят. Мы можем остаться с весьма невеликим урожаем. – Жалобно сообщил Александр.

¹³ Длинная лиана, обвивающая стены беседки, дома... Цветы очень похожи на лилию. Кобею так же называют декоративной лилией.

– Что Вам мешает забрать часть урожая у крепостных? – недоумевала Аполлиария.

– Не правильно отбирать чужую собственность.

– Они – наша собственность. У них нет ничего своего.

– А Вы правы, – пытаюсь смотреть ей прямо в глаза, согласился князь. – Завтра же займусь сборами урожая с крепостных.

– Господи! – неожиданно воскликнула княгиня. – Неужели, единственное, о чем мы можем поговорить, это погода!

Он неловко отвел взгляд от своей жены. Говорить-то им действительно было не о чем. Это было самым мучительным в браке, как думал Александр.

Она недолго сверлила его своим недовольным взглядом, а потом встала и сказав:

– Прошу извинить меня, но я вынуждена отклоняться.

...ушла.

Он остался там, в беседке, ошарашенный выводом жены. Она совершенно права. Им не о чем поговорить, кроме как о погоде. Как странно и ужасно. А ведь когда-то они не могли наговориться. Они хотели быть вместе каждую оставшуюся секунду жизни, а сейчас... что осталось сейчас от этого пылкого чувства? Ничего. Только безразличие и привычка. Привычка быть вместе. Спать в одной постели, сидеть рядом во время трапезы. Они этого больше не хотят. Не хотят друг с другом разговаривать, не хотят спать вместе, не хотят вообще видеться. Но они продолжают это делать, потому что

привыкли.

«Так будет со всеми, – подумалось князю Александру. – Рано или поздно это чувство опустошенности и ненужности, абсолютное неведение, что будет дальше, накроет всех нас. Всех. Полностью всех. Даже моих детей...»

Когда он подумал о детях, у него заболело сердце. Разве достойны дети так, как и он, страдать? Хотя, почему он страдает? Может, это свобода, а не приговор? Ведь любые чувства нас только сдерживают. Мы замалчиваем то, что хотели бы сказать, мы не делаем того, что хотели бы сделать. А почему это? В большей мере из-за любви или привязанности. Ведь если бы мы не были ни к кому привязаны, стали бы мы беспокоиться о чувствах и волнениях посторонних людей? Сдерживали бы мы себя, боясь их обидеть? Здесь не рассматривается сдерживание себя из-за общества. Вся наша жизнь лишь игра. Маска. И никогда мы ее не снимаем. Только мысли подлинные. А все остальное лишь образ, который мы хотим показать. Образ, который нам наиболее выгоден. Только образ. Только маски. Ничего более. А если бы можно было жить без этих образов и масок. Быть таким, какой ты есть. Не скрываясь, не боясь, не думая о мнении окружающих. Что было бы тогда? Свобода?..

Эти размышления длились в голове Александра достаточно долго. Прошло время обеда. Закончился ужин. Настала глубокая ночь. По саду разнесся волшебный аромат вечерницы (эти цветы особенно сильно пахнут вечером и ночью).

Александр встал со скамейки и пошел в имение. Опять же, не потому что хотел этого, а потому что *нужно было* идти спать.

Ступив одной ногой на крыльцо, он заметил, как ветром несет к нему какой-то белый прямоугольник. Он подбежал к прямоугольнику и схватил его. Это было письмо. Он развернул послание и не смог прочитать текст. Он был не на русском. Ни на каком из языков, которые бы он знал.

«Это латынь! – осенило его, и он сразу же вспомнил, как ровно год назад им пришло такое же письмо. Там были угрозы. Стоит ли вообще пытаться читать это, если это не более чем какая-то непонятная игра или шутка? Нет, все же нужно прочесть. А на латыни может говорить только Филиппов. Нужно дождаться завтрашнего утра».

И вот наступило утро. Александр рано, еще до рассвета, проснувшись, встал и отправил служанку за Филипповым. Он жил в другом конце дома. Филимон прибыл через полчаса в кабинет Александра. Ни сказав ничего, кроме: «Переведи!», князь протянул врачу письмо.

– «Грядет катастрофа! Великое бедствие для Вас. В Вашем роду один человек, он не молод. Совсем скоро! Страна будет под угрозой уничтожения! Ваш С.» – иногда останавливаясь, прочел Филимон.

– Что это может означать? – озадаченно поинтересовался князь Александр.

– Не имею ни малейшего понятия, Ваше сиятельство, –

ответил Филимон, положив на стол послание. – Но я осме-
люсь предположить, что это письмо с угрозой, совершенно
такое же, как тогда, год назад.

– Я тоже это понял.

Князь почесал затылок.

– Я прошу Вас, не говорите об этом моей жене, – почти
шепотом просил Александр, – она не должна об этом знать.
Ей ни к чему лишние волнения...

– Что нельзя мне говорить? – послышался громкий голос
Аполлинаруии, доносящийся с порога кабинета.

Она стремительно подошла к Александру, рукой оттолк-
нув Филиппова.

– Что вы были намерены от меня скрыть? – грозным то-
ном спросила княгиня.

– Ваше сиятельство, я могу идти? – осмелился спросить
Филимон.

– Да, можете, – ответила Аполлинурия, махнув рукой.

Врач спешно ушел.

Александр выдохнул и сел за стол, сразу принявшись что-
то писать.

– Александр! – повысила голос княгиня.

– Что Вам угодно, моя госпожа? – будто не догадываясь,
что ей угодно, отозвался Александр.

– Мне угодно узнать, что вы намерены от меня утаить! –
ответила княгиня Савельева.

Он еще раз тяжело вздохнул и указал рукой на письмо

от «С.».

Она взяла его в руки. Ей хватило несколько секунд, что бы понять, что это такое же письмо, как было ровно год назад.

– О, Господи! – воскликнула Аполлиария. – Александр, ты должен срочно что-то предпринять!

– Дорогая, я уверен, не о чем волноваться.

– Я с Вами не согласна, – обиделась Аполлиария и, бросив письмо обратно на стол мужу, вышла из кабинета.

* * *

Узкая лесная тропинка вела их в неизвестном направлении. Мария Савельева держала своего возлюбленного за руку и, думая, что рано или поздно все же придется отпустить его, говорила себе: «Никогда. Никогда Вас не отпущу!»

Была середина августа. Мария Савельева особенно тепло относилась к этому месяцу, ведь она в нем родилась. Правда, ее день рождения уже прошел. Но сейчас наступил очередной прекрасный день, хоть сегодня и не день рождения. Дни, когда Мария встречалась с Юрием Зарубовым, автоматически становились прекрасными и идеальными. Любовь к нему заполняла все ее сердце и когда она видела его, порой не могла сдерживать слез.

Любовь. Сколько песен, сколько стихов, сколько книг написано об этом чувстве. Везде говорится. Что это прекрасное, ни с чем несравнимое чувство. Испокон веков люди сла-

гали завораживающие истории о том, как два человека любят друг друга, но на их пути возникают на первый взгляд непреодолимые препятствия. И для достижения великого счастья, для того, чтобы быть вместе люди страдают, жертвуют, ждут, верят, терпят.... В связи с этим у меня возникает вопрос, оправданы ли эти бесконечные страдания? Любовь прекрасна только в самый ее разгар. Когда два человека вместе. Даже если им ничего не препятствует, любовь уходит. Она уходит от всех рано или поздно. И остается только привычка быть вместе. Вообще любое страстное чувство людей заканчивается по-разному: страсть уходит, остается лишь быт. Любовь уходит, остается только ненависть, ведь противоречия на самом деле близки друг к другу и походят друг на друга. В следующем случае крепкая любовь незаметно переходит в привычку. Когда люди живут вместе и думают, что по-другому и быть не может. Но они при этом друг друга не любят.

Стоит ли страдать? Да. Стоит. Хотя бы потому, что человек за свою быстротечную жизнь должен попробовать как можно больше чувств.

Юрий влюблялся в Марию с каждой встречей все сильнее и сильнее.

Ему нравились ее пухлые щеки, кудрявые волосы, нежные теплые руки... С каждым разом он все более и более понимал лично для себя – что такое любовь. Понимать-то он понимал, а вот сказать это вслух не имел возможности из-за

нехватки слов. И либо он так несказанно глуп, что не может сформулировать свои мысли, либо нет еще в русском языке слов, позволивших описать его чувства.

Они дошли до величественного многовекового дуба, под которым было несколько камней, выстроенных в ряд.

– Мари, Вы можете присесть? – охрипшим голосом спросил ее Юрий.

Она села на край этого камня.

– Что с этими камнями? Почему они выстроены так ровно? – поинтересовалась Мария.

Ей безумно не хотелось, что бы он, любовь всей ее жизни, замолчал вновь. Она хотела бесконечно слушать его голос.

Он вздохнул. Мария явно перебила его своим вопросом.

– Дело в том, что это руины, Мари. – Терпеливо ответил Юрий. – Лет пятнадцать назад здесь произошел пожар. На этом месте тогда был расположен летний домик одного из прусских баронов. Они все здесь и погибли.

В его глазах Мария увидела неопишемую горечь, и тогда нужно было остановиться, но она бесцеремонно продолжила задавать вопросы.

– Могу ли я спросить Вас, Юрий, откуда Вы знаете эту прискорбную историю?

Юрий помолчал немного.

– В том пожаре погибла моя мать, – молвил он, при этом, не показывая никаких чувств.

Мария, осознав свою бестактность и невежество, обрати-

ла свой взгляд на него и хотела открыть рот, что бы просить прощения, но осеклась. Его голова закрывала заходящее за горизонт солнце и кроме черного силуэта она ничего не увидела. Юрий наверняка был обижен. Наверняка был растерян. И она, Мария, понимала и корила себя.

Они молчали еще около получаса.

Она не решалась заговорить.

Он, подобно статуе, сидел и не шевелился, не показывая абсолютно никаких эмоций.

Они любовались закатом, завораживающим и по-своему устрашающим из-за своей красоты. Воздух наполнился вечерней прохладой и восхитительным запахом ночного леса. Деревья будто сменили свой цвет с малахитового и зеленого на темно-зеленый и черный. Где-то вдали было слышно приглушенное пение птиц.

Мария встала. Она была намерена возвратиться домой, раз все разговоры зашли в тупик. Юрий встал следом за ней.

– Мари, – молвил Юрий, – я должен... нет. Я хочу сказать... нет, не то.

Она обернулась к нему. Все тот же черный, никак не двигающийся, силуэт.

– Что Вы хотели мне сказать? – тоже показала голос Мария.

– Мари, я с того самого бала в Вашем имении полюбил Вас. – Начал он, сжав ладонь в крепкий кулак.

Увидев, как сильно напрягся Юрий, Мария осторожно,

будто он мог на нее напасть как зверь, прикоснулась к нему кончиками пальцев. В ту секунду ему стало легче. Он обхватил ее маленькую ладонь и ему моментально стало легче.

– Мари, я более не вижу смысла держать наши чувства втайне. Я люблю Вас и надеюсь, Вы любите меня. Я прошу Вашей руки и сердца, – произнес Юрий с трудом.

Когда он говорил, мысли путались, не слаживаясь в связанные предложения и фразы, а сваливаясь в ком. А когда он уже закончил говорить, проанализировал, те ли слова он произнес.

От неожиданности услышанного, у Марии потемнело в глазах. Она потеряла равновесие и упала бы, если б ее не подхватил Юрий. Мария опять села на руины, он приземлился рядом, но потом сразу же встал на колени перед ней.

– Что с Вами, Мари? – испугался Юрий.

– Все в порядке, – почти не открывая рта, ответила Мария, – я не ожидала такого.

– Вы согласны стать моей же...

– Согласна. Я готова быть с Вами, Юрий, до конца моей жизни. Я люблю Вас.

Мария без всякой наигранности, искренне заулыбалась и не могла сделать серьезное лицо. Мария смотрела ему в лицо. К тому времени солнце уже полностью ушло за горизонт, и стало стремительно темнеть. Мария почти не видела его лица, но понимала, что он счастлив. Именно в тот вечер она получила неопровержимое доказательство того, что ее чув-

ство к нему взаимно. Юрий тоже ее любит. А иначе, зачем ему было делать ей предложение?..

– Матушка и отец не будут противиться нашему союзу, я уверена в этом, – сообщила Мария, когда они уже подходили к воротам Алмазного.

– Я буду молиться Богу, чтобы так и было, – счастливо ответил Юрий.

– О разговоре с предками я сообщу Вам в письме, князь, – на прощание произнесла Мария, – до свидания.

– До свидания. Я буду ждать Вашего письма, – сказал он, неохотно отпуская ее маленькую ладонь.

* * *

– Он сделал тебе предложение?! – ошеломленная новостью, воскликнула Анастасия.

Мария не могла сдержать эмоций и поэтому счастливо улыбалась. Всю ночь ей не терпелось поделиться головокружительной новостью с сестрами. Она была уверена, что те будут счастливы за нее.

Но все вышло совсем не так. Анастасия не могла скрыть разочарования и зависти, а Екатерина, похоже, даже ее не слушала. Сидела где-то в углу у окна и читала какую-то французскую книгу. Екатерина очень любила романы французских авторов, их поэзию и прозу. Она любила всю французскую литературу. Для нее стало настоящей трагедией то,

что сейчас происходит с книгами. По приказу императора Павла I никакая зарубежная литература, особенно французская, не должна попадать на бескрайние просторы Российской Империи. Причины такого приказа Екатерина решительно не понимала и никогда не упускала случая обсудить эту проблему со всеми, кому это было интересно. Впрочем, с теми, кому это было неинтересно, она тоже обсуждала сию проблему.

Мария смотрела то на Анастасию, то на Екатерину, в ожидании хоть какой-то положительной эмоции. Но никаких положительных эмоций не было. Внезапно Марии стало настолько грустно, что она присела на корточки и в голос зарыдала.

Анастасия сидела у зеркала и делала вид, будто ничего не замечает.

«Что он нашел в ней?! – недоумевала Анастасия. – Внешность у нее самая заурядная! Ему могла подойти только я! Только я, и больше никто! Он мой! Он должен быть моим! Я не буду переживать. На все воля божья. Будет так, как должно быть».

Зависть – унижительное чувство. Что есть зависть? Один человек завидует другому из-за явного превосходства над ним. Тем, что человек завидует кому-то, он подтверждает свою никчемность, свою несостоятельность. Ведь он признает тот факт, что тот человек, которому он завидует лучше него. Вместо того чтобы завидовать, можно попытаться стать

лучше. Нужно сделать так, чтобы *Вам* завидовали.

Низко, стыдно и непростительно кому-то завидовать. Человек может все. В его руках его жизнь и его судьба. Никто не в праве ничего решать за него. Как бы банально сие не звучало, но мы хозяйева своей судьбы!

Нет ни белой, ни черной зависти. Есть только постыдное чувство. Ощущение явного превосходства некоего человека. Это стыдно и позорно – завидовать.

Все происходило в гостиной. Солнечный свет из арочных окон отражался в зеркале, перед которым сидела Анастасия и расчесывала свои длинные темные волосы.

На столе стояла ваза с благоухающими разнообразными цветами. Обычно, цветы, прогулки по саду немного успокаивали Марию. У нее часто случались истерики, когда она теряла всяческий контроль над собой и начинала плакать.

– Мир сошел с ума! – восклицала Анастасия. – Окончательно и бесповоротно мир сошел с ума!

Они втроем находились в разных углах большой гостиной, и невозможно было поверить в то, что они родные сестры. Екатерина равнодушно читала книгу Андре Шенье на французском, Мария без конца плакала, а Анастасия сидела и преспокойно, лишь изредка жалуясь на мир, расчесывала длинные волосы.

Эту «идиллию» прервала Аполлинария, только переступив порог гостиной. Увидев своих дочерей в спальнях халатах, она просто пришла в ужас.

– Девушки! Что вы себе позволяете! Вы сидите здесь как хухри¹⁴! Вы леди! И всегда должны выглядеть соответствующе!

На слова матери никто не откликнулся. Ничего не изменилось.

Аполлинаруя, увидев плачущую в углу Марию, приблизилась к ней и положила на ее плечо холодную, словно не живую, ладонь.

– Что случилось, доченька? – нежно спросила княгиня.

Анастасия нервно повернулась в сторону матери и с надменным лицом сообщила:

– Она намерена выйти замуж за князя Зарубова!

У Аполлинаруи сразу же сделалось удивленное и немного испуганное лицо. Все же мальчиков женить как-то проще и менее волнительно, чем девочек выдавать замуж. Петр счастлив в браке с Ираидой. Но он единственный ее ребенок, который оказался в браке.

– Мария, вставай и иди в кабинет отца, – приказала Аполлинаруя, – сейчас же!

Мария через несколько секунд встала и медленным, будто обессиленным шагом направилась в кабинет Александра Савельева.

– Сейчас же приведите себя в порядок! – приказала Аполлинаруя оставшимся двум дочерям. – По дому ходит Дмит-

¹⁴ Хухря означает нечесу, растрепу. Происходит от слова «хухрить» – растрепывать.

рий, наш гость. Непозволительно даме ходить в неглиже при постороннем мужчине!

«Я обречена! – рассуждала Екатерина, пока все думали, что она читает книгу. – Я одна буду страдать. Анастасия будет счастлива, она сделает для этого все. У Марии и князя Зарубова взаимное чувство, она тоже будет счастлива. А я... за что Бог меня так наказал?! Мария полюбила взаимно князя, а я полюбила нищего крестьянина! Я, во всяком случае, буду страдать! Если осмелюсь и уйду с ним, буду страдать от гнета крестьянского бытия, а если останусь, бросив его и попытавшись о нем забыть, я буду обречена на разбитое сердце, обиду и зависть. Я стану ужасным человеком, и я умру несчастной. Я обречена на страдания во всяком случае! Почему так? У одних судьба – счастливое будущее, а у других – мучение и страдание в тени тех, у кого все хорошо! Как же сей мир не справедлив!»

Мария за последние два года впервые переступила порог отцовского кабинета. Он не разрешал сюда приходить, когда она была маленькой, а потом, когда Мария подросла, ей стало здесь просто не интересно. Но именно в этот раз она почувствовала ту детскую тягу к неизведанному. Как же хорошо быть ребенком. С другой стороны... дети несчастны. Конечно, с одной стороны, детство прекрасно мнимым отсутствием проблем и беззаботностью, но если подумать, то детей обманывают с самого маленького возраста, а потом человек удивляется, почему люди лгут. Это, как и все, что ка-

сается людского существования, подобно замкнутому кругу, из которого, на деле, нет выхода.

Александр посмотрел на дочь, словно ее не видел очень долго. В его глазах отчетливо просматривалась грусть и неподдельная гордость. Его дочь, казалось бы, еще недавно была маленькой девочкой, а сейчас она уже настоящая леди, которая сегодня-завтра может стать чьей-то женой...

– Александр, Мария хочет тебе что-то сказать, – наставительным тоном произнесла Аполлиария.

Такой тон матери почему-то насмешил Марию и она лучезарно улыбнулась, следом за мыслями о смешном материнском голосе вспомнился факт о том, что Юрий сделал ей предложение, и улыбка стала еще ярче, еще лучезарнее.

Отец, увидев такое неприкрытое счастье на лице дочери, нечаянно заулыбался, хоть и до последнего старался казаться как можно более серьезным. Правду говорил его отец: «Если дети счастливы, то родители счастливы уже, по крайней мере, наполовину!»

– Осмелюсь предположить, что случилось нечто хорошее, – произнес Александр.

От волнения Мария слышала стук своего сердца, которое вот-вот выпрыгнет из груди. Закрыв глаза, не думая, не подбирая слов, Мария сообщила:

– Юрий Зарубов предложил мне свою руку и сердце!

Александр хотел было что-то сказать, но не смог. Дар речи куда-то бесследно исчез и князь Савельев с минуту стоял

с открытым ртом, не шевелясь.

– У меня есть лишь один вопрос к тебе, дочка. Постарайся ответить на него как можно более искренне и честно.

– Да, Папа.

– Ты его любишь, это я понял. Но готова ли ты разделить с ним все беды и горести? Готова ли быть с ним до самого конца?

Мария прислушивалась к пению птиц, доносящемуся из распахнутых окон. Пение птиц напоминало сад, а мысли о саде и цветах успокаивали.

– Я готова, Папа. Я прошу Вас, разрешите мне выйти за него замуж! Если Вы откажете по каким-то неведомым мне причинам, я никогда не смогу простить Вас.

Он еле заметно кивнул головой и, конечно же, благословил ее на брак. Разве мог он пойти против желания его дочери.

1798 год, март, октябрь

Радость наполнила Алмазное. У Ираиды и Петра Савельевых родился сын, и назвали его Георгием. Мальчик был совершенно здоров. Петр не мог прийти в себя от радости. Его сын был здоровым, хорошим мальчиком. Однако Петр счастлив с тех пор, как женился на Ираиде.

А Ираида не могла поверить своему счастью. Всего год назад она была беременна. Представляла, как будет гулять со своим ребенком, как счастлива она будет. Забеременела она почти сразу после свадьбы. И вот настало время рожать. Она родила мертвого младенца. Горесть и ужас заполнили все внутри нее. Только ужас, страх, пустота и ощущение конца. Что дальше? Ребенок умер. Еще даже не пожив. Она никогда больше не покажет свою материнскую любовь. Она никогда не станет матерью? Так зачем тогда жить? Через неделю после родов Ираида несколько часов завороченно смотрела в окно. Всю неделю у нее была сильная лихорадка, и она не могла встать с кровати. Она смотрела в большое окно, из которого доносились порывы свежего ветра. В воздухе витали перемешавшиеся запахи садовых цветов. И вдруг в голове промелькнула заманчивая мысль: «Зачем жить, если я не исполнить главное предназначение в жизни (родить ребенка)?» Она встала и медленно подошла к окну. Ираида осмотрела высоту, с которой ей придется падать. «Третий

этаж. Хорошо. Я умру». Она уже стояла на оконной раме и хотела сделать последний рывок, когда в опочивальню вошел Петр. Он бросился к ней и поймал ее уже в полете.

Врачи в один голос смело утверждали, что Ираида больше никогда не сможет родить ребенка, но, вопреки всему она снова забеременела.

Но врачи стояли на своем. Они говорили, что и второй младенец родится мертвым. Ираида была в ужасе весь период беременности. Она просыпалась и ложилась спать с леденящей ее душу мыслью: «Что, если все повториться опять? Тогда я не переживу!»

И в пору рождественской вакации¹⁵ Ираида родила сына. Петр сразу же назвал его Георгием. А Ираида была так счастлива, что даже не могла поверить в это.

Георгию исполнилось два месяца.

Ираида вот уже два месяца опять мучается от лихорадки. Ранней весной Ираида постоянно мучается от лихорадки.

Вот уже вторую неделю стояла омерзительная погода.

– Ираида, врач сказал, дабы ты больше времени гуляла на улице, – участливо заметил Петр и присел рядом с Ираидой на кровать.

Она посмотрела в сторону окна.

– Я не желаю выходить. – Она закашляла. – Там хижа¹⁶!

¹⁵ Свободное от работы время. В романе используется как время рождественских праздников.

¹⁶ Хижа – хилая мокрая погода. Осенняя и весенняя слякоть, дожди, снег...

Я ненавижу такую погоду.

Ираида отвернулась в сторону стены.

– Как там Жорж? – сухо спросила она, даже не смотря на мужа.

– Хорошо. Он под присмотром няnek.

Ираида опять закашляла.

Петр прикоснулся ладонью к ее лбу и важным тоном констатировал:

– Дорогая, у Вас сильный жар. Я приведу врача.

– Это не обязательно, я все равно скоро умру, – безнадежно махнула рукой Ираида.

– Не говори так, – скомандовал Петр.

– На что Вы надеетесь?

– На Ваше скорейшее выздоровление!

* * *

Все имение Алмазное было наполнено осенней тоской и скукой. Все же, осень – самое тоскливое и грустное время года. Холодное солнце спряталось за серыми облаками. Прохладный ветер активировал мурашек, бегающих по всему телу, а золотистая листва и голые ветви деревьев напомнили об ушедшем лете.

Анастасия не желала даже слушать уговоры отца и матери. Зачем? Они в очередной раз будут уговаривать ее выйти замуж за кого-то. А она не хочет.

Очередной разговор на тему замужества Анастасии произошел в кабинете Александра. Он сидел за столом и молча наблюдал за матерью и дочкой.

– Я никого не люблю! – восклицала Анастасия.

– О любви никто и не обмолвился! – заметила Аполлинария.

– Ах так?! Отчего же Марии была дана свобода в выборе мужа?! – обиженно говорила Анастасия.

– Мария младше тебя! Ей 27 лет, а тебе уже 30! Ты намерена быть старой девой?! – недоумевала Аполлинария. – Ты не думала, что подумают в обществе?!

Анастасия расхохоталась, ладонью прикрыв рот.

– Общество! Вся наша жизнь построена так, чтобы о нас плохо не говорили в обществе! – недовольно кричала Анастасия. – Мне плевать на общество! Я хочу жить так, как мне того хочется! Матушка! Если вы не намерены смириться с этим моим утверждением, то я могу уйти из родительского гнезда!

Анастасия встала и отошла к выходу.

– Александр, сделай что-нибудь! – ошарашенно воскликнула Аполлинария, которая явно не была готова к такому решению старшей дочери.

Князь Савельев развел руки.

– Если такова воля моей дочери, я не смею ей перечить. – Спокойно произнес он.

– Да, отец, такова моя воля. – Тихо, уже с заметной неуве-

ренностью молвила Анастасия и покинула кабинет отца.

«Я готова! Готова отречься от всего! Пусть буду старой девой, монахиней, рабыней, пусть меня перестанут считать благородной дамой, но я буду одна. Мне никто ничего не будет говорить. Я буду делать то, чего сама желаю. Без чьей-то воли. Буду действовать только по велению собственного сердца... Я отрекаюсь от отца и матушки, я отрекаюсь от сестер и братьев, я отрекаюсь от фамилии Савельевых. Отныне я одна».

* * *

– Я должен поведать о том госпоже Грушиной, – произнес Игорь Савельев, – не в моих силах оставить все так!

Игорь Савельев и впрямь не мог оставить такое положение дел!

Александр Савельев хмыкнул, и Игорь Савельев покосился на племянника.

– Александр, Вы так схожи с отцом, что когда смотрю на Вас, невольно вижу Константина... – сказал Игорь Савельев, отвернувшись к окну.

– Так, дядя, что Вы так желаете поведать госпоже Грушиной? – поинтересовался Александр.

Игорь Савельев был человеком кристально честным и добродушным. Для него было невыносимым не помочь человеку, если сие в его силах. Ему всегда и всех жаль. После

той досадной истории с убийством Константина Игорь Савельев, вместо того чтобы возненавидеть племянника Дмитрия он напротив проникся к нему жалостью.

«Не правильно это! – рассуждал он. – Как же это? Да, Дмитрий совершил страшнейший грех и ужасный аморальный поступок. Но все одно мне его жалко. И ничего поделаться с этим не могу! Меня использовали. Мной часто манипулируют, пользуясь моей благосклонностью ко всем. Но ничего поделаться я с собой не могу. Таков я и поменяться не могу!»

– Видите ли, какое тут дела произошло? – начал повествование Игорь. – На днях я повидался со своим давним другом, сын которого был женат с Дианой.

Игорь Савельев вздохнул.

– Спустя немного времени муж Дианы трагически погиб. Да и все бы хорошо, да только так было еще с двумя мужьями. Сдается мне, и с Грушиным будет та же история. И не могу я оставить все так! – жалостливо произнес Игорь последнюю фразу.

– Диана всегда была проблемой семьи, – Александр улыбнулся, ненадолго погрузившись в воспоминания. – А еще она была любимицей матушки. Конечно же стоит поговорить о том с Мартой, а она пускай сама решает – как далее надобно действовать.

– Согласен с Вами, Александр. – Кивнул Игорь Савельев. – Полностью с Вами согласен.

Четырехэтажный оранжевый дом на Малой Итальянской, в котором я впервые увидел свет, был одним из самых больших домов этой улицы, застроенной тогда маленькими деревянными или каменными домиками с мезонинами. Хорошо помню, как в раннем моем детстве я каждое утро, проснувшись, бежал к окну и смотрел, как по нашей улице шел пастух с огромной саженой трубой. На звуки его трубы отворялись ворота возле маленьких домиков и из них выходили разноцветные коровы...

...захолустные уездные городки с деревянными домиками с огородами, окаймленными покосившимися заборами, с универсальными лавочками, в которых продавались и духи, и деготь.

*Из воспоминаний князя В. А. Оболенского
о Петербурге середины XIX века.*

Марта Грушина прибыла на заранее оговоренное место (Малая Итальянская улица¹⁷) за полчаса до назначенного времени. По шумным улицам сновали туда-сюда люди, о чем-то оживленно разговаривая.

Светило холодное солнце. Марта Грушина неспешно гу-

¹⁷ Малая Итальянская улица – расположена в центре Петербурга. Название получила в 1739 году.

ляла по улице, пытаясь предугадать – о чем желает поговорить князь Игорь Савельев.

Вскоре подле нее остановилась карета, из которой вышел Игорь Савельев со слегка взволнованным лицом.

Марта, не в силах больше ждать, с воодушевлением посмотрела на князя и протянула ему руку для поцелуя.

– Здравствуйте, Ваше сиятельство, – проговорил Игорь, поцеловав ладонь госпожи Грушиной. – Вы прекрасно выглядите.

– Добрый день, Игорь Степанович, – кивнула она головой. – Мне хотелось бы скорей узнать, о чем же Вы так рьяно желаете поговорить?

– Это касается моей племянницы Дианы. – На выдохе ответил Игорь Степанович. – Мне известно, что Ваш сын твердо решил жениться на ней.

– Да, это так, – кивнула Марта, – а, что, какие-то проблемы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.